

ТАЙНАЯ ГВАРДИЯ БЕРИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Колонна из двадцати человек в полосатых куртках, штанах, шапочках и тяжелых ботинках катила телеги на деревянных колесах с песком по такому же деревянному настилу, проложенному от песчаного конуса на берегу моря к строительной площадке. Точнее, к последнему строящемуся дому одинокого безымянного городка острова Ургедон на северо-западе Германии. Надзиратели из числа эсэсовцев охранной роты с собаками подгоняли их:

— Быстрее, скоты, быстрее! Плетки захотелось?

Узники концлагеря ругались между собой. Ускорить движение можно было только всем вместе, по отдельности не получится.

— Ну чего вы там тянетесь? Катите быстрее. Получим от надзирателей плетей, вечером отдадим должок. Всем отдадим.

Надсмотрщики явно издевались. Заключенные и так работали на износ весь последний месяц, но этого эсэсовцам было мало. Вернее, скучно. Один из них отпустил поводок, и овчарка схватила узника за ногу. Бедолага закричал от боли, бросил тачку, она перевернулась.

— Черт бы тебя побрал! — заорал эсэсовец, не ожидавший такого поворота. — А ну, быстро взял тележку и назад к конусу!

За его спиной раздался голос:

— Развлекаешься, солдат?

Тот подтянул поводок:

— Виноват, герр гауптштурмфюрер, пес сам со-
рвался.

Начальник концлагеря повысил голос:

— Сам? Да я все видел, Краус. А ну, марш в казарму, доложи командиру охранной роты, что я наказал тебя. Пусть отправит тебя чистить сортир.

— Но, герр гауптштурмфюрер, за что? Ведь это, — он указал на узников, — сброд мерзавцев и предателей, заслуживших виселицу...

Начальник лагеря заорал что есть мочи:

— Ты плохо понял? Передашь оберштурмфюреру Риделю, что я приказал посадить тебя на ночь в карцер после того, как ты вычистишь сортиры. И если ты снова откроешь свой рот, я добьюсь твоей отправки на Восточный фронт. Бегом марш к командиру роты!

Солдат, согнувшись, поспешил к казарме, которая стояла на противоположной стороне острова, обнесенная колючей проволокой.

Начальник лагеря обвел суровым взглядом остальных надзирателей:

— Прекратить травлю и издевательства! Сегодня должен быть закончен последний дом, завтра приезжает инспекция. Если вы своим желанием раз-

влекаться сорвете график, я поставлю вас в строй вместе с арестантами. Где командир взвода?

Подбежал молодой унтерштурмфюрер:

— Я, герр Шрайдер! По вашему приказанию...

Начальник лагеря оборвал взводного:

— Ты где шляешься, Фишер?

— Извините, но я должен контролировать работу и у конусов, и на объекте.

— А то, что на дорожке между ними черт-те что творится, тебя не касается?

Эсэсовец вздохнул:

— Касается. Виноват.

— Знаешь, что делают с виноватыми?

— Так точно!

— Навести порядок и обеспечить бесперебойную работу. Вон, смотри, твой коллега из второго взвода прекрасно с этим справляется.

Начальник лагеря имел в виду командира взвода охранной роты, надзирающего за узниками, которые подавали группе бетонщиков и каменщиков цемент, щебень, каменные блоки, деревянные конструкции.

— А у Линке работы больше.

— Я все исправлю, герр гауптштурмфюрер.

Начальник концлагеря рассмеялся:

— Конечно, исправишь, Фишер, иначе останешься здесь навсегда.

Эсэсовец побледнел:

— Так точно, герр гауптштурмфюрер!

— Работать!

Унтерштурмфюрер набросился на подчиненных, те кинулись подгонять узников, но уже без плеток и собак. Работа пошла быстрее.

В концлагере Ургедон было собрано сто человек, осужденных к большим срокам, а несколько человек — к смертной казни, позже замененной на тюрьму. Но вместо того, чтобы отправить врагов Рейха в другие лагеря, их собрали здесь на острове, в месте, которое и концлагерем-то можно было назвать лишь условно. Всего два барака, в них — сто узников, привлеченных к строительным работам совместно с инженерами военно-строительных частей.

Сначала среди заключенных это вызвало недоумение, затем сработала пропаганда, мол, им предоставили возможность частично искупить вину, если в течение месяца они построят на острове небольшой городок. В это верилось с трудом, но другого объяснения не было.

Гауптштурмфюрер прошел к помещению между торцом казармы и кухней-столовой. В этом здании были и штаб объекта «Ургедон», и комнаты проживания офицеров.

Шрайдер козырнул дневальному у входа и направился в кабинет начальника объекта штурмбаннфюрера Георга Динера.

— Разрешите? — спросил он, приоткрыв дверь.

— К чему этот формализм, Анкель, заходи, конечно. Был на стройке?

Шрайдер присел на стул у рабочего стола начальника и улыбнулся:

— К сожалению, на острове нет ни ресторанов, ни борделей, ни даже паршивой пивной. Только стройка. Одна сплошная стройка.

— Ты помнишь, что сегодня мы должны закончить город?

— Помню. Осталось немного — достроить второй этаж, накрыть крышей, вставить оконные рамы и застеклить. Бетономешалки работают исправно, материал подвозят безостановочно. Да заката должны успеть. А если нет, то заставим это быдло работать ночью, правда, придется задействовать и солдат, хотя они и не заключенные.

Начальник объекта усмехнулся:

— Долго ли перейти из одной категории в другую? Быдло будет работать столько, сколько надо. Обед следует сократить до пятнадцати минут и провести его в две смены, чтобы не останавливать производственный процесс. Но это уже моя забота.

— А стоит? Узники устали, это заметно, им надо отдохнуть и подкрепиться. Сократив обед и отдых, мы рискуем получить то, что они начнут валиться с ног прямо на работе, и никакими угрозами их уже будет не поднять. Расстреливать или травить их собаками у нас нет права. Нет самой эффективной возможности заставить быдло работать через силу.

— Надо уметь выполнять задания даже в условиях ограниченных возможностей.

— Мы выполним это задание.

— Значит в 14.00 я могу звонить в Ольденхорст? Там уже ждут.

— Думаю, можете.

- Это не ответ!
- Можете, герр штурмбаннфюрер.
- Хорошо. После завершения объекта, пусть это будет даже глубокая ночь или раннее утро, рота Риделя должна обойти весь остров. Здесь остались старые лодки, прикажите их уничтожить.
- Да, герр штурмбаннфюрер.
- Хорошо, соглашусь с тобой. Обед и отдых — по распорядку. Если нет больше вопросов, жду тебя в нашей столовой в 13.30.
- Да, герр штурмбаннфюрер.
- Ох, Анкель, знал бы ты, как надоел мне своей официальнойностью.
- Извините, но я, видимо, иначе не могу.
- Ну, ничего, нам вместе осталось работать не более суток. Потом у каждого своя дорога.
- Да, герр штурмбаннфюрер.
- Свободен!

В 12.30 прозвучали команды офицеров-надзирателей:

— Закончить доставку материала! Новый не загружать! Тележки, тачки — к конусам и площадке! Там же строиться на обед!

Узники давно ждали этой команды. Хоть всего полчаса, но можно отдохнуть и подкрепиться.

Они быстро покатали тележки к конусам на площадке.

У большой кучи песка поставили рядом свои тачки Эрик Влах и Апсель Пехнер. Они оба были немцами, коммунистами, состояли в подпольной

группе сопротивления. Их арестовали при попытке подрыва электростанции. Скорый суд приговорил обоих к повешению. Смертная казнь в военное время свершалась быстро. Но случилось чудо. В камере гестапо им объявили, что фюрер помиловал и Влаха, и Пехнера, заменив смертную казнь даже не тюремным заключением, а десятью годами каторжных работ, естественно, на благо Рейха.

Такого еще не было. На следующий день после оглашения приказа о помиловании обоих доставили из родного города Хенсдорф в деревню Туир на берегу Балтики. Оттуда вместе с такими же осужденными на барже перевезли на остров Ургедон. И вот уже прошел месяц, как друзья трудились на стройке.

Поставив тачку, Влах проговорил:

— До сих пор не понимаю, что это будет за поселок. Дома вроде капитальные, из камня, есть школа, больница, управа, мощеные улицы — все, как на материке, но нет даже намека на канализацию, водопровод и электричество.

Пехнер ответил:

— Нашел, над чем ломать голову. Долго ли все это потом провести?

Влах улыбнулся:

— Ты хоть что-нибудь понимаешь в городском хозяйстве?

— Ну, конечно, не как ты, я по этой части не работал.

— Так вот, все коммуникации прокладываются до того, как возводятся здания. И потом, здесь нет

ни очистных сооружений, ни водонапорной башни. Я уж не говорю об электростанции.

— И что ты хочешь этим сказать, Эрик?

— Не нравится мне все это.

— Что не нравится? То, что фюрер нас помиловал и отправил на остров на работы? Да по мне лучше сотню таких городов построить, нежели болтаться в петле на виселице.

— Так-то оно так, но уж слишком по-доброму поступил Гитлер. Уж кому-кому, а ему даже понятие такое, как милосердие, неизвестно. У фюрера одно на уме — высшая раса, недочеловеки, арийцы, которые должны иметь все за счет труда других народов. Ненависть к евреям, цыганам, славянам. На его «фабриках смерти» ежедневно уничтожаются тысячи ни в чем не повинных людей, и вдруг такое благородство. Нет, друг мой Апсель, неспроста все это.

— Хватит, Эрик, а то кто-нибудь услышит и донесет в администрацию.

— А смысл? Ну, получит доносчик благодарность... Нас-то не тронут, потому что мы нужны им. Наш рабский труд им нужен.

— А я вот думаю о другом, Эрик, — задумчиво произнес Пехнер.

— О чем же?

— В подполье наверняка не поверят, что нас не повесили только из-за того, что мы нужны на стройке. Решат, что мы предатели.

— Ага, предатели. Ты со своей тачкой совсем разучился думать. Если бы мы в гестапо сдали подполье, всех бы давно арестовали.

— А откуда тебе знать, что их не арестовали?

— Когда нас везли сюда, ты дом Матиса в деревне видел?

Пехнер кивнул:

— Конечно, нас мимо него провели.

— А самого Леона?

— Его не видел.

— А я видел. Он стоял у калитки и смотрел на пленных. А он — важная персона в подполье. Но его не взяли. Значит, и остальных не тронули. Следовательно, мы не предатели.

Пехнер вздохнул:

— Бежать отсюда надо.

Влах тихо проговорил:

— Есть у меня одна идеяка.

— Что за идеяка?

— Тише, потом...

К ним подошел роттенфюрер из охраны:

— А вам, господа коммунисты и террористы, особое приглашение требуется?

Непривычно вежливо обошелся, мог бы и избить.

— Извините, господин офицер, уже бежим.

Узники кинулись в строй.

Роттенфюрер усмехнулся. Ему было приятно, что его, ефрейтора, назвали офицером.

Строй двинулся к столовой. На обед, как всегда, дали постный суп, надоевшую соленую рыбу, сто граммов хлеба и кружку чая — похоже, на всех заварили только одну пачку. Но и на том спасибо. Отобедав, узники вернулись в бараки, где упали

на пол между нарами. До отбоя ложиться на доски строго запрещалось.

Быстро пролетели эти минуты отдыха.

Прозвучала команда:

— Выходи строиться, бездельники!

Это они-то, вырабатывающие по пять-шесть обычных норм, бездельники? Но — не поспоришь, себе дороже выйдет.

Узников повели к конусам и площадке.

Там, берясь за тачку, Пехнер повторил свой вопрос:

— Так что за идеяка, Эрик?

— Справа утес видишь? — кивнул Пехнер.

— Ну и что? Да и не утес это — обычный обрыв.

— Нет, не обычный. Там внизу, в заводи, привязана лодка. Двуместная. Ее отсюда не видно.

— Ну и что?

— На ней можно уплыть. Оттуда до берега, до деревни Туир, всего метров восемьсот.

— Уплыть на виду у эсэсовцев?

— Ночью.

— Ага. И кто тебя ночью из барака выпустит?

— Странный ты, Апсель. Мы что, разрешение спрашивать будем? Выйдем в сортир, это разрешено, а там — стены из досок. Тихо выломаем пару-тройку, а дальше вдоль колючки к конусу, оттуда — к обрыву и — в море. Лагерь-то, как и остров, не имеет вышки с прожекторами, а от генератора освещается только основной сектор да площадка у штаба...

Их разговор снова прервал все тот же роттенфюрер:

— Опять нарушаем? Пора наказать.

Влах изобразил покорность:

— Извините, ради всего святого, герр офицер.
Руки уже не держат эти тачки.

— Работать, скоты!

Влах с Пехнером покатали тачки под загрузку.

Но до окончания смены работать не пришлось.
Бригада строителей наконец-то достроила дом.

За дело взялись отделочники.

Основной массе было приказано отвезти тачки к конусам, собрать инструмент, доставить его к казарме, ужинать и отдыхать. Невиданное дело: начальник лагеря разрешил даже лежать на нарах до отбоя. Только ворота до поверки заперли на замок.

Узники собрали инструмент и двинулись к казарме. Там под присмотром эсэсовцев сложили его в одном месте.

Послышалась команда:

— Ужин!

И вновь странное обстоятельство — ужин был объявлен почти на час раньше.

Вернувшись в барак, друзья упали на нары рядом друг с другом.

— Не понимаю, — проговорил Влах.

— Что ты не понимаешь? — спросил Пехнер.

— Ничего не понимаю.

— Закончили работу, вот и загнали всех в барак. А чтобы не гонять надзирателей, разрешили лежать на нарах и заперли. Думаю, завтра нас переведут на материк и отправят еще куда-нибудь

строить или ломать, а может, перебьют всех к чертовой матери.

— Хотели бы, давно бы уже всех перестреляли. И — в воду. Наверное, ты прав, увезут нас отсюда, и уже завтра. Следовательно, — что?

— Что? — безразлично спросил Пехнер.

— Бежать этой ночью надо, вот что.

Пехнер повернулся к другу:

— Ты извини, Эрик, я еще пожить хочу.

— Почему-то ты не думал об этом, когда шел взрывать электростанцию.

— Тогда я другим был. Сейчас сломали. Да-да, не смотри на меня так. Сломали Апселя Пехнера. Все-таки десять лет каторжных работ когда-то закончатся, а с победой Германии вполне возможна амнистия. Я, Эрик, к Марте хочу, домой, понимаешь?

— Да чего уж тут не понять. Но мне одному не справиться.

— Справишься. Ты сильный, тебя не сломали.

— Меня и дома никто не ждет.

— Тем более. Хочешь, беги, я — пас!

— Отдыхай.

Влах отвернулся, и больше они не разговаривали. Апсель Пехнер перестал для него существовать. Умели гитлеровцы добиваться своего.

Он окинул взглядом барак и увидел безразличные, утратившие надежду лица. Эти люди больше не представляют никакой опасности для режима, даже если завтра их выпустят на волю. Такие, скорее, в услужение к фашистам пойдут, чем в Сопротивление. Такие вот дела.

Ровно в 14.00 штурмбаннфюрер Динер снял трубку полевого телефона, слышались гудки (между материком и островом был проложен по дну пролива телефонный кабель).

— Слушаю, — ответил твердый голос из штаба северного командования ПВО в Ольденхорсте. Голос этот, принадлежавший куратору объекта «Ургедон» штандартенфюреру СС Колману Гартнеру, прибывшему в северо-западный район Германии из Берлина с началом работ на острове.

— Это штурмбаннфюрер Динер.

— Слушаю.

— Докладываю, герр штандартенфюрер. Объект «Ургедон» сегодня к 20.00, — майор перестраховался, назвав более позднее время, — будет готов.

— Я понял вас. Ожидайте. Буду у вас завтра ориентировочно после 14.00. Проверьте взлетно-посадочную полосу.

— Слушаюсь, герр штандартенфюрер. Все лично проверю, при необходимости исправлю и лично вас встречу!

— До свидания, Динер.

— До свидания, герр...

Но полковник уже отключился.

Динер закурил сигарету.

Чего ждать от приезда штандартенфюрера, получившего в определенных кругах прозвище Черный Барон? Простой инспекции? В этом смысле все было в порядке: городок построен по всем правилам. Проверка содержания узников? А кому они нужны? Хотя Гартнер получил прозвище Черный

Барон за назойливость, непредсказуемость и весьма жесткие меры, если что-то было не по нему. Он отличался жестокостью, полным пренебрежением к жизни других, в том числе и своих сослуживцев, фанатичной верностью фюреру и железным характером. Так что же ждать? Переброска в другое место? Но это не планировалось.

Выкурив сигарету, штурмбаннфюрер плеснул себе в бокал виски. Подумал, надо убрать бутылку — все же она доставлена из Британии. Но даже не в этом дело: Черный Барон терпеть не может спиртное и табак. Следует подготовить человека из obsługi, который умел бы хорошо заваривать кофе. Абы какой напиток капризный Гартнер пить не будет.

Сегодня на острове отбой был объявлен на час раньше, в 23.00, чтобы в 5.00 все уже находились на плацу. Предстояла общая уборка территории, особенно северной ее части — там следовало выровнять остатки песка, щебня, убрать стройматериалы.

Перед отбоем к начальнику объекта пришел Шрайдер:

— Прибрежная часть острова осмотрена. Три лодки и один малый баркас затоплены.

— Точно все проверено?

— Сам обошел.

— Смотри, если то, что не увидел ты, завтра заметит Гартнер, плохо тебе придется.

Начальник лагеря насторожился:

— Завтра прибывает Черный Барон?

— Да, Анкель, собственной персоной.

— Цель визита обозначена?